

СОПРОТИВЛЕНИЕ, ВРЕДИТЕЛЬСТВО, АДАПТАЦИЯ: КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СССР В КОНЦЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х гг.¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность исследования различных аспектов сопротивления сталинскому режиму определяется необходимостью получения нового знания о природе и особенностях сталинизма, а также изучения в более широком контексте пределов допустимости и оценки эффективности методов принуждения в процессе социально-политического взаимодействия. Цель исследования заключается в типологии форм и изучении природы социального противодействия псевдореволюционной модели социальной инженерии.

Материалы и методы. Обоснованность результатов исследования обеспечена введением в научный оборот новых исторических источников, представленных делопроизводственной документацией объединенного государственного политического управления (ОГПУ) (материалы фонда п.-54 – «Пензенский окружком ВКП (б)» Государственного архива Пензенской области), а также анализом историографических источников по отдельным проблемам истории сталинизма. Методология статьи опирается на применение концепции социального конструкционизма или теории конструирования социальной реальности. При этом важнейшим концептом выступает социальная практика, что позволяет рассматривать различные формы сопротивления (саботаж, вредительство и т.п.) посредством противодействия/адаптации политическому напряжению в ходе радикальной трансформации новой экономической политики. В свою очередь научную дефиницию феномена вредительства следует рассматривать как метод опосредованной реконструкции существенных характеристик политического режима. Особое внимание уделено рассмотрению условий формирования и содержания социальных представлений о природе власти и проблемах социально-политического взаимодействия.

Результаты. Изучены факторы и особенности проявления социальных практик, подпадавших под маркировку «вредительство», выявлена сопряженность данного концепта с понятиями «кулак», «контрреволюционный саботаж», «террористический акт». Проанализирована конкретно-историческая информация, раскрывающая масштабы вредительства в сельском хозяйстве в целом по стране и на территории Пензенского округа.

Выводы. На основе анализа документальных и историографических источников сделан вывод о произвольном формировании идеологического концепта «вредительство», не отражавшего реального положения в аграрной сфере экономики и востребованного в большей степени не для маркировки социальных противоречий в массовом сознании, а для создания унифицированной и упрощенной системы управленческих решений для местных властей.

Ключевые слова: вредительство, социальное сопротивление, власть и общество, сталинизм, репрессии, партийно-государственное управление в 1920-е – 1930-е гг.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Политбюро ЦК ВКП (б) и проблема вредительства в сельском хозяйстве СССР в 1930–1940-е гг. по документам Архива Президента РФ и региональных архивов» № 15-01-00143.

O. A. Sukhova

**RESISTANCE, WRECKING, ADAPTATION:
CONSTRUCTION OF A NEW SOCIAL REALITY IN USSR
IN THE LATE 1920s – EARLY 1930s**

Abstract.

Background. Topicality of various aspects of resistance to Stalin's regime is determined by a necessity of obtaining new knowledge about the nature and characteristics of Stalinism, as well as studying admissibility and evaluation of the efficiency of coercion methods' limits in the process of socio-political interaction in general context. The purpose of the study is the typology of forms and the study of the nature of social opposition to the new model of social engineering.

Materials and methods. Validity of the research results was achieved by introduction of new historical sources into the scientific use, represented by record keeping documentation submitted by the USPD (materials of holding p.-54 – "Penza Regional Committee of the CPSU (b)" of the State archive of Penza region), as well as by the analysis of historiographical sources on various problems of the history of Stalinism. The methodology of the article relies on the use of the concept of social constructionist theory and construction of social reality. At the same time the most important concept is a social practice that allows to consider various forms of resistance (sabotage, wrecking, etc.) through opposition/adaptation to political tension during radical transformations of the NEP. In turn, the scientific definition of the "sabotage" phenomenon should be considered as a method of indirect reconstruction of the essential characteristics of the political regime. A special attention was devoted to conditions of formation and maintenance of social understanding of the nature of power and problems of social and political interaction.

Results. The factors and features of manifestation of social practices, marked as "wrecking", were learned, the conjugation of this concept and terms "kulaks", "counter-revolutionary sabotage", "terrorist act" was identified. Specific historical information that reflects the scale of "wrecking" in agriculture in the country and in the territory of Penza region was analyzed.

Conclusions. Based on the analysis of documentary and historiographical sources we conclude about a random shaping of the ideological concept of "wrecking" that didn't reflect the real situation in the agrarian sector of the economy, and was mostly used not for labeling of social contradictions in the mass consciousness, but for creation of a unified and simplified system of solution management for local authorities.

Key words: sabotage, social resistance, government and society, Stalinism, repression, party-state management in 1920–1930.

Изучение социального сопротивления в эпоху формирования сталинского режима обладает высокой познавательной ценностью как в общем контексте анализа и оценки эффективности методов и инструментов политического управления (что в целом определяет актуальность обращения к подобным вопросам), так и в процессе концептуализации проблематики «излишней репрессивности» государства в конце 1920-х – 1930-х гг. Во многих отношениях именно репрезентация сопротивленческих аспектов позволяет ответить на многие нерешенные вопросы современной историографии сталинизма, создать сквозную объяснительную модель, фиксирующую особенности социально-политического взаимодействия в рассматриваемую эпоху.

Прежде всего хотелось бы остановиться на проблеме роста масштабов и интенсивности социального и политического насилия в советской деревне на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Одним из факторов этого процесса становится подрыв внутриобщинной солидарности. Коллективизация, как отмечает Ш. Фицпатрик, хотя и нанесла «удар крестьянству в целом, это вовсе не значит, что она способствовала солидаризации деревни». Бандитизм, искорененный, казалось бы, в период новой экономической политики, вновь приобрел массовый характер. По данным исследователя, весной 1931 г. «каждый шестой колхоз подвергался бандитским нападениям» [1, с. 261–262].

Во второй половине 1930-х гг. государство спровоцировало новый виток насилия, придав ему окраску обострения классовой борьбы. Всеохватность и абсурдность политического террора конца 1930-х гг., началом которого стал масштабнейший социальный эксперимент социалистической реконструкции народного хозяйства и опосредованная последним жесточайшая централизация власти, предопределили активизацию научных поисков по изучению природы сталинизма, отмечая в качестве его родового признака ярко выраженную репрессивность. Одной из оригинальных, хотя и не бесспорных концепций, в этом отношении выступает объяснительная модель, предложенная А. С. Ахиезером. По мнению исследователя, «количество жертв было столь велико, что невозможно отказаться от предположения, что они сами были соучастниками этого истребления». Ответственность за беспрецедентные масштабы насилия со своими вождями должен разделить и народ: «Террор проводила и поддерживала вся страна. Это было невиданное в истории самоистребление» [2, с. 483].

Амбивалентной стороной согласия на насилие выступали архаичные представления о тяготении крестьянства к преодолению разрыва, отделяющего их от персонального воплощения патриархальной власти (отца-царя-вождя), осуществить которое было возможно посредством формализации идеи социального поравнения в дополнение к требованиям борьбы за чистоту низового партийного и государственного аппарата. В этих условиях репрессии против новой знати были бы восприняты как «горчи́чник» для крестьянского сознания, способный подавить потенциально возможное и даже прогнозируемое активное сопротивление политике реконструкции, объективно направленной на ликвидацию общинных институтов и патриархального сознания, крестьянства как социальной общности в целом [3, с. 358–360].

Частный пример по изучению структуры высокочастотных категорий высказываний, представленных в сводке предложений к новому проекту Конституции по Мордовской АССР, свидетельствует о стремлении населения не только освоить практику властно-политического регулирования, но и попытаться ее изменить в соответствии с собственными представлениями об идеальном мироустройстве. Показательно, что максимальную частоту имеют предложения об уравнивании в правах колхозников и рабочих (введение выходного дня, оплачиваемого отпуска, включение в систему социального страхования и пр.), а также требования ограничения или лишения избирательных прав для представителей «старого режима», «эксплуатировавших чужой труд», и разрешения применения ареста на месте преступления советам депутатов трудящихся, милиции [4]. Примечательно, что требования легализации архаичных форм крестьянского правосудия, зафиксированные в процессе об-

суждения проекта Конституции, служат дополнительной констатацией роста внутридеревенских противоречий и социальной агрессии [1, с. 264].

Стремление к единению с вождем, выраженное в системе социальных представлений, в бесчисленном количестве обращений во власть, в конечном счете также выступало формой адаптации к происходившим изменениям. Так, по данным В. В. Бабашкина, в первое десятилетие существования «Крестьянской газеты» на адрес редакции поступило до 5 млн крестьянских писем, причем удельный вес обращений-проектов построения новой жизни в отдельные годы достигал 23 % и более [5, с. 41–42].

По всей видимости в структуре крестьянского сопротивления следует выделять как формы активного противодействия режиму (включая массовые выступления, террористические акты в отношении советских и партийных активистов и т.п.), так и пассивные, обыденные, лишенные публичности и демонстративности.

Какое положение в данной типологии занимает феномен «вредительство», насколько практика применения данного термина в аутентичной обстановке удовлетворяла представлениям массового сознания или требованиям юридической практики?

На первый взгляд понятие «вредительство» не имеет юридического характера. В Уголовном кодексе РСФСР редакции 1926 г. со всеми последующими изменениями этот термин употребляется лишь в ст. 28 при характеристике мер социальной защиты (с указанием соответствующих статей), а также при конкретизации хозяйственных преступлений (ст. 128-а «за выпуск недоброкачественной или некомплектной промышленной продукции и за выпуск продукции с нарушением обязательных стандартов – директора, главные инженеры и начальники отделов технического контроля промышленных предприятий караются как за противогосударственное преступление, равносильное вредительству»), но в качестве самостоятельного вида преступлений не квалифицируется.

Вместе с тем по своему содержанию сразу несколько преступных деяний, отнесенных кодексом к категории государственных, вписываются в идеологему «вредительство» («контрреволюционные преступления» – ст. 58_1, «подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно и кооперации, совершенный в контрреволюционных целях» – ст. 58_7, «террористический акт», направленный против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций – ст. 58_8, «разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного, или общественного имущества» – ст. 58_9, «контрреволюционный саботаж» – ст. 58_14, наконец, «массовые беспорядки, сопровождающиеся погромами, разрушением железнодорожных путей или иных средств сообщения и связи, убийствами, поджогами» – ст. 59_2, а также «умышленное повреждение или истребление имущества, принадлежащего государственным учреждениям и предприятиям, а также общественным (кооперативным, профессиональным и т.п.) организациям» – ст. 79, «хищнический убий и умышленное изувечивание скота», «порча и поломка принад-

лежащих совхозам, машинно-тракторным станциям и колхозам тракторов и сельскохозяйственных машин» – ст. 79_1-2, «бесхозяйственность, основанная на небрежном или недобросовестном отношении к порученному делу лиц, стоящих во главе государственных или общественных учреждений и предприятий или их уполномоченных, результатом чего явились расточение или невозместимый ущерб имуществу учреждений и предприятий» – ст. 128) [6].

Как следует из доклада о деятельности Пензенского окружного суда в период весенней посевной кампании 1930 г., только с 1 января до 1 мая было рассмотрено 89 дел по ст. 58_8, 58_10 и 59_2, а в целом свыше 150 дел «контрреволюционного порядка», знаменующихся «особо ярким сопротивлением кулачества всем мероприятиям, проводимым партией и Соввластью в настоящий отрезок времени» [7, л. 239]. Маркировку «массовые беспорядки» получили события в с. Ст. Шуструе Нижнеломовского района 9–10 марта 1930 г. Митингующие крестьяне (до 500 человек участников) потребовали «выписки» их из колхоза, раздачи семян и открытия закрытой ранее («по постановлению верующих по нежеланию платить налогов») церкви. Поводом для выступления в селе «сплошной коллективизации» послужило заполнение статистических карточек на скот при подворном обходе, в ходе которого выяснилось, что «некоторые граждане» пребывали в неведении о своем членстве в коллективном хозяйстве» [8, л. 213.]. Впрочем, обстоятельства дела не позволяют отнести эти события к проявлениям массовой агрессии: фактов насилия по отношению к представителям советской власти или колхозников в донесении ОГПУ не зафиксировано.

Основное же количество подсудимых (за тот же период было осуждено 498 человек) проходило по обвинению «кулацкой и зажиточной части сельского населения в преступлении, предусмотренном 2 частью 62 статьи УК РСФСР за неуплату задатков на трактора, невзнос целевых сборов и незасыпку семфонда» [7, л. 238, 240]. Поспешность, с которой рассматривались дела (от 5 до 10 дней), можно расценивать в качестве дополнительного фактора, исподволь формирующего образ врага советской власти в массовом сознании. По многим делам дознания как такового не проводилось. Приговоры нередко выносились на основании голословных утверждений, документально ничем не подтвержденных. В частности, в материалах дела по обвинению И. А. Лыкова (Каменский районный суд), лишённого избирательных прав за неуплату 476 рублей задатков на трактора, обвиняемый «везде именуется кулаком, но нигде не приведены основания отнесения его именно к этой, а не к другой социальной группе». Не проводилось дознания и в отношении священника Крылова (Поимский народный суд) по обвинению в неуплате задатков на трактора и невзнос целевых взносов в размере 200 рублей. Приговор был вынесен на основании «характеристики, утверждавшей о вредности обвиняемого делу колхозного строительства» [7, л. 240].

Судя по донесениям ОГПУ, столь же распространенной формой бытового сопротивления в период коллективизации выступали поджоги общественного или государственного имущества, главным образом кормов, жилых и хозяйственных построек сельских активистов. Так, 26 февраля 1930 г. в с. Мача Чембарского района у члена местного колхоза «маломощного середняка» М. В. Дуняева сгорело гумно, «где находились корма 20 телег ржаной соломы и 30 телег овсяной соломы, свезенной к нему как принадлежавшую колхозу, отобранной при раскулачивании местных кулаков» [8, л. 208].

Рутинность, привычность подобной социальной реакции подтверждается примерами противодействия хлебозаготовкам и колхозам и в более ранний период. Так, в ночь на 27 сентября 1929 г. в колхозе «1 Мая», расположенном на территории Куликовского сельсовета Чембарского района Пензенского округа, был осуществлен поджог сена. Огнем было уничтожено до 500 пудов. По обвинению в поджоге задержаны «зажиточный» крестьянин П. А. Гричишкин, середняки Д. З. Сучков, Г. Сучков и И. Сучков [8, л. 24.]. Более 200 телег ржаной и 50 яровой соломы было уничтожено в результате поджога в колхозе «Коммунар» Сулакского сельсовета Чембарского района 14 октября того же года. Единственным мотивом противоправных действий названа «вражда к колхозу со стороны зажиточных крестьян». В числе подозреваемых арестован, в том числе, и И. П. Ильин, исключенный из рядов ВКП (б) во время «партийной чистки», уже судимый ранее за «истребление молодняков-яблонь в колхозе» [8, л. 56].

11 октября 1929 г. пожар уничтожил усадьбу бывшего председателя сельсовета с. Г. Варежки Каменского района С. Кислякова. В поджоге (установлено, что строения предварительно были облиты керосином) «подозревается кулачество» [8, л. 44].

Гумно с хлебом, принадлежавшее члену Вольского сельсовета К. М. Щедрину, было сожжено в ночь на 4 ноября 1929 г. По подозрению в поджоге арестован А. И. Русин, ранее угрожавший Щедрину за «обложение хлебозаготовками» и как «злостный несдатчик хлеба», занесенный на «черную доску» [8, л. 86].

Социальное конструирование на основе манихейского мифотворчества, произвольная идеологическая профанизация и манипулирование классовым противоборством задавали логику маркировок, позволявших в одночасье демонизировать определенные социальные группы и даже целые классы [9, с. 46–47]. В подтверждение своих слов Л. Виола приводит слова советского диссидента генерала Петра Григоренко, весьма емко оценившего содержание социальной политики сталинизма: «До сих пор все было просто. Рабочий – идеал, носитель самой высокой морали. Кулак – зверь, злодей, уголовник» [9, с. 46].

Целенаправленное тиражирование терминов-идеологем выступало отражением претензий новой власти на номинацию как реальных, так и мнимых социальных групп, что является неотъемлемой особенностью ее самопрезентации и утверждения [10, с. 122–123]. В данном случае концепт «кулак» Г. Ф. Доброноженко определяет как социальную группу, сконструированную «по идейно-политическим критериям для устранения потенциальных и реальных противников политики власти в деревне», подвергавшуюся «дискриминации и репрессиям по социально-политическим мотивам», в которую входили «разные социально-экономические группы сельского населения (в том числе и сельские эксплуататоры)» [10, с. 123–124].

Отталкиваясь от позиций структуралистски-конструктивистского подхода, мы можем перенести соответствующую логику теоретических построений и на идеологему «вредительство». Этот термин был призван маркировать гипотетическую («воображаемую») социальную группу, которую еще предстояло реализовать как проект для демонстрации антипода социальному идеалу, для «воспитания» общества не только героикой революционного

строительства, но и отрицательным примером, демонстрацией политико-административными средствами сил, враждебных новой власти. Идеологема «кулак», созданная для советской деревни, по сути своей была синонимом слова «вредитель» в городской среде (в промышленном производстве, снабжении, строительстве и пр.), однако логикой классово-борьбы номинировалась раздельно-взаимообразно.

Весьма показательным представляется тот факт, что в донесениях ОГПУ начала 1930-х гг. деяния, подпадающие под квалификацию статей УК, тяготевших к концепту «вредительство», факты крестьянского сопротивления уклончиво квалифицировались как антисоветская (реже – контрреволюционная) деятельность кулачества и околкулацких элементов, в то время как в «заводских» документах данная идеологема используется без каких-либо оговорок. В частности, в январе – феврале 1930 г. правительственная комиссия проводила проверку трубчатого завода г. Пензы на предмет ликвидации последствий вредительства. Комиссией было установлено, что «со стороны заводской администрации мер к ликвидации последствий вредительства по заводу не принималось. Красная книжка (обвинительное заключение по вредительству в военной промышленности) была прочитана только директором завода Дмитриевым и техпомом Арсеньевым, но ничего существенного в смысле улучшения производства сделано не было. По предупреждениям Окротдела ОГПУ о хаотическом состоянии производства и бесхозяйственности в лекальном деле, об упадке труддисциплины заводом сделано также очень мало» [8, л. 149].

Еще одним важным аспектом анализа предстает направленность применения подобных политико-административных средств: формируемые идеологемы были ориентированы исключительно на массовое сознание или и на аппарат управления тоже? Формулировки, присутствующие в делопроизводственной документации местных властей, свидетельствуют о том, что «игра по правилам» конструирования новой социальной реальности оставалась для местной номенклатуры тайной за семью печатями. Так, в докладе о работе Пензенского окружного суда в феврале – мае 1930 г. участие судебных органов в весенней посевной кампании описывалось как выдвижение на передовую: «Работа по коллективизации, посевкампании и раскулачиванию, проводимая в Пензенском округе, не застала врасплох Окрсуд и еще 17 января с. г. Окрсудом было написано всем Народным судам товарищеское письмо, в котором предлагалось все дела, связанные с вопросами колхозного строительства и посевкампанией, рассматривать вне всякой очереди» [7, л. 237]. Однако «большинство состава Нарсудей является выдвиженцами, мало принимавшими участия в кампаниях, а потому не сразу восприняли того боевого духа и темпов, которые нужно было развернуть. Это чувствовалось, главным образом, по линии представления информационных сведений и сводок» [7, л. 237 об.]. Создается впечатление, что новая этакратия, особенно на местном уровне, имела слабое представление о целях и результатах собственной деятельности. Подтверждение тому находим и в исследованиях О. В. Хлевнюка. Определяя важнейшую предпосылку радикализма сталинской политики, автор не случайно апеллирует к такому фактору, как низкий уровень «компетентности управляющей верхушки, включая самого Сталина, который в силу сверхцентрализации системы передавался на все звенья управления»

[11, с. 461–462]. В этом отношении тиражируемые идеологемы выступали маркерами соответствия властных решений и реальной практики управления доктринальным основам правящей партии. Причем периодически это вызывало необходимость корректировки курса «одергивания» излишне усердной номенклатуры. Так, по мнению В. А. Власова и А. В. Тишкиной, важнейшей причиной появления секретных директив и постановлений ЦК партии 1933–34 гг. (например, «О Пензенской парторганизации» от 13 августа 1934 г.) выступала «угроза новой крестьянской войны», т.е. рост масштабов и интенсивности сопротивления [12, с. 62].

Таким образом, дефиниция концепта «вредительство» применительно к советской деревне предполагает его рассмотрение в нескольких аспектах: во-первых, в общей структуре социального сопротивления, главным образом в его обыденных формах (как практику противодействия модернистским начинаниям новой власти, защиты традиционной идентичности); во-вторых, как своего рода инструмент политико-идеологического конструирования новой социальной реальности, выступающей жестким и жестоким, не сдерживаемым принципами традиционной морали стимулом адаптации и усвоения задач социалистического строительства как крестьянством, так и номенклатурой, непосредственным проводником выбранного курса.

Следует также признать, что не только государство создавало новую реальность и новые сообщества, но и крестьянство пыталось воздействовать на власть, в том числе и посредством вредительства, в расчете на формирование более справедливой системы социально-политического взаимодействия.

Список литературы

1. **Фицпатрик, Ш.** Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик. – М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 422 с.
2. **Ахиезер, А. С.** Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) / А. С. Ахиезер. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. – Т. I. От прошлого к будущему. – 805 с.
3. **Сухова, О. А.** «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX в. / О. А. Сухова // История сталинизма: крестьянство и власть : материалы Междунар. науч. конф. (г. Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). – М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. – С. 358–360.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 154.
5. **Бабашкин, В. В.** К вопросу об «аграрном деспотизме» / В. В. Бабашкин // Сталинизм и крестьянство : сб. науч. ст. и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. – М. : Изд-во Ипполитова, 2014. – С. 38–48.
6. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. (с изменениями по состоянию на 1 марта 1957 г.). – М. : Госюриздат, 1957. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 15.11.2015).
7. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 54. Оп. 1. Д. 117.
8. ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 338.
9. **Виола, Л.** Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола. – М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. – 367 с.

10. **Доброноженко, Г. Ф.** Социальная группа «кулаки» как объект научного анализа / Г. Ф. Доброноженко // Известия Коми научного центра УрО РАН. – Сыктывкар, 2012. – Вып. 1 (9). – С. 119–124. – URL: <http://elibrary.ru/download/83370492.pdf> (дата обращения: 15.11.2015).
11. **Хлевнюк, О. В.** Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк. – М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. – 479 с.
12. **Власов, В. А.** К вопросу о раскулачивании и выселении пензенских крестьян / В. А. Власов, А. В. Тишкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (31). – С. 58–66.

References

1. Fitspatrik Sh. *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnya* [Peasants of the Stalin era. Social history of Soviet Russia in 1930s: rural area]. Moscow: ROSSPEN: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, 2008, 422 p.
2. Akhiezer A. S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: historical experience critics (Sociocultural dynamics of Russia)]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1997, vol. I, 805 p.
3. Sukhova O. A. *Istoriya stalinizma: krest'yanstvo i vlast': materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ekaterinburg, 29 sentyabrya – 2 oktyabrya 2010 g.)* [History of Stalinism: peasants and the authority: proceedings of the International scientific conference (Ekaterinburg, 29th September – 2nd October 2010)]. Moscow: ROSSPEN: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, 2010, pp. 358–360.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossijskoj Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation]. F. 3316. Op. 41. D. 154.
5. Babashkin V. V. *Stalinizm i krest'yanstvo: sb. nauch. st. i materialov kruglykh stolov i zasedaniy teoreticheskogo seminara «Krest'yanskiy vopros v otechestvennoj i mirovoj istorii»* [Stalinism and peasants: proceedings of round tables and meetings of the theoreticals eminar “Peasantry issue in national and world history”]. Moscow: Izd-vo Ippolitova, 2014, pp. 38–48.
6. *Ugolovnyy kodeks RSFSR redaktsii 1926 g. (s izmeneniyami po sostoyaniyu na 1 marta 1957 g.)* [The Criminal code of RSFSR of the 1926 edition (revised, as of 1st March 1957)]. Moscow: Gosyurizdat, 1957. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (accessed 2015, November 15).
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoj oblasti (GAPO)* [The State Archive of Penza Region]. F. 54. Op. 1. D. 117.
8. *GAPO*. F. 54. Op. 1. D. 338.
9. Viola L. *Krest'yanskiy bunt v epokhu Stalina: Kollektivizatsiya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya* [Peasant revolt in the Stalin era: Collectivization and peasant resistance culture]. Moscow: ROSSPEN: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, 2010, 367 p.
10. Dobronozhenko G. F. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of Komi scientific center of RAS]. Syktyvkar, 2012, iss. 1 (9), pp. 119–124. Available at: <http://elibrary.ru/download/83370492.pdf> (accessed 2015, November 15).
11. Khlevnyuk O. V. *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury* [The Master. Stalin and consolidation of Stalin's dictatorship]. Moscow: ROSSPEN: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, 2010, 479 p.
12. Vlasov V. A., Tishkina A. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2014, no. 3 (31), pp. 58–66.

Сухова Ольга Александровна

доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России, краеведения
и методики преподавания истории,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: suhhov747@yandex.ru

Sukhova Olga Aleksandrovna

Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of Russian history, local
history and history teaching methods,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 947.084.5

Сухова, О. А.

Сопrotивление, вредительство, адаптация: конструирование новой социальной реальности в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. / О. А. Сухова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 1 (37). – С. 32–41.